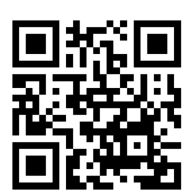
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342.39:340.15

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

EDN: AOZCAN

Нацификация системы государственного управления в Третьем рейхе в 1933–1939 годах: социально-правовой аспект

Е.С. Алехина[1], **Е.А. Паламарчук**[1, 2, 3] ✉

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация

[3] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация

✉ epalamar@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность изучения политики нацификации, проводившейся в Третьем рейхе в сфере государственной службы, растет не только в связи с давно обозначившейся тенденцией к постепенной реабилитации нацизма в некоторых странах, но в первую очередь вследствие возникновения на Украине, при активном посредничестве США и их европейских союзников, политического режима, в рамках которого была сформирована система государственного управления, в значительной степени основанная на нацистской модели. Таким образом, был создан опасный прецедент, дающий основание предполагать, что в условиях кризиса западной либеральной демократии, демонстрирующей неспособность адекватного ответа на вызовы современности, в ведущих европейских государствах в будущем могут возобладать те же тенденции. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить сущностные аспекты нацификации системы государственного управления в Третьем рейхе в период 1933–1939 гг.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили междисциплинарный и системный подходы, диалектический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования выявлены сущностные аспекты трансформации, которой германская система государственного управления подверглась в довоенный период существования гитлеровского режима. Ее стержневым компонентом стал процесс широкомасштабной нацификации, ускорению которой способствовало привлечение в ряды чиновничьего корпуса ветеранов национал-социалистического движения. Основным критерием профессиональной пригодности государственного служащего в Третьем рейхе официально признавалась не его компетентность, а безоговорочная лояльность политическому режиму и соответствие национал-социалистическим расовым стандартам. Таким образом, в лице государственной бюрократии гитлеровский режим обрел послушный и эффективный инструмент реализации собственных внутри- и внешнеполитических задач.

Обсуждение и заключение. На довоенном этапе существования гитлеровского режима национал-социалисты, осуществив кодификацию немецкого чиновничьего права в пронацистском духе и поставив институты государственной власти под жесткий контроль партийных структур, смогли успешно решить задачу унификации и нацификации чиновничьего корпуса, интегрировав представителей всех звеньев государственного аппарата в политическую систему Третьего рейха. Сделав доступным замещение должностей в государственных структурах для лиц, обладавших заслугами перед национал-социалистическим движением, и части представителей общественных низов и обеспечив таким образом последним рост вертикальной социальной мобильности, власти Германии совершили важный шаг по пути нацификации бюрократического аппарата. В конечном итоге нацистам удалось полностью адаптировать механизм государственного управления к задачам сохранения и упрочения своего политического господства накануне развязывания Второй мировой войны.

Ключевые слова: нацизм, нацификация государственного управления, трансформация системы государственного управления, государственный аппарат, государственные служащие, чиновничество, национал-социализм

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Алехина Е.С., Паламарчук Е.А. Нацификация системы государственного управления в Третьем рейхе в 1933–1939 годах: социально-правовой аспект. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):26–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

Original Theoretical Research

Nazification of the State Governance System in the Third Reich in 1933–1939: the Social and Legal Aspects

Ekaterina S. Alekhina[1], **Evgenii A. Palamarchuk**[1, 2, 3] ✉
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Moscow University Named after S.Y. Witte (Rostov Branch), Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ epalamar@mail.ru

Abstract
Introduction. Studying the policy of state service Nazification pursued in the Third Reich is gaining relevance not only due to the long existing trend for gradual rehabilitation of Nazism formed in some countries, but, primarily, due to the emergence in Ukraine, with the active mediation of the United States and its European allies, of a political regime, which has built a system of state governance based to a large extent on the Nazi model. Therefore, a dangerous precedent has been created, making it possible to assume that in conditions of the crisis of the Western liberal democracy and its revealed disability to adequately respond to the challenges of the modern world, the same trends may prevail in the leading European states in the future. The research aims to identify the substantive aspects of Nazification of the state governance system in the Third Reich in the period of 1933-1939.
Materials and Methods. The methodological basis of the research was formed by the interdisciplinary and systemic approaches, dialectical and historical-comparative methods.
Results. The study has determined the substantive aspects of transformation undergone by the German state governance system in the pre-war period of Hitler regime existence. The large-scale Nazification became a backbone of transformation process, and was accelerated by joining the National Socialist movement veterans the ranks of the state officials. In the Third Reich, the main criterion for evaluating the occupational aptitude of a state official was not his competence, but unconditional loyalty to the political regime and fitting into the National Socialist racial standards. Thus, the state bureaucracy represented the obedient and efficient tool for implementing home and foreign policy objectives of Hitler regime.
Discussion and Conclusion. Due to National Socialists' ability to codify the German bureaucratic law in the pro-Nazi spirit during the pre-war period of Hitler regime and to make the state institutions subject to the strict control of the party authorities, they succeeded in reaching the objective of unification and Nazification of the bureaucratic apparatus by integrating the representatives of all levels of state administration into the political system of the Third Reich. By enabling the individuals having merits to the National Socialist movement and some of the lower social class representatives to hold a state positions (thereby ensuring the growth in vertical social mobility to the latter), the German authorities had made a significant step forward in Nazification of the bureaucratic apparatus. Eventually, the Nazis managed to fully adapt the state governance mechanism to the objectives of preserving and strengthening their political dominance on the eve of the World War II outbreak.

Keywords: Nazism, Nazification of state governance, transformation of the state governance system, state apparatus, state officials, bureaucratic apparatus, National Socialism

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof, which enhanced the quality of the article.

For Citation. Alekhina ES, Palamarchuk EA. Nazification of the State Governance System in the Third Reich in 1933–1939: the Social and Legal Aspects. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):26–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

Введение. Несмотря на то, что различные аспекты национал-социализма на протяжении многих десятилетий находятся в центре внимания представителей научного сообщества, реалии современного мира, характеризующегося повышенной турбулентностью системы международных отношений и появлением все новых вызовов, несущих угрозу стабильности и суверенитету отдельных государств, не только не дают оснований для того, чтобы признать этот феномен достоянием прошлого, но, наоборот, повышают актуальность соответствующих исследований. Особый интерес в этой связи представляет изучение места чиновничьего корпуса в социальной структуре общества нацистской Германии и его роли в реализации основных направлений политики Третьего рейха. В целом Гитлер и другие представители нацистской элиты относились к представителям профессионального чиновничества со значительной долей недоверия, что с первых дней нацистского правления предопределило их стремление поставить все звенья государственного управления под жесткий контроль Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП), добившись в короткие сроки ее нацификации с тем, чтобы превратить систему государственной службы в эффективный инструмент реализации внутри- и внешнеполитических целей национал-социалистического режима.

В современных условиях актуальность изучения нацистского опыта в указанной сфере чрезвычайно возрастает не только в связи с давно обозначившейся тенденцией к реабилитации нацизма в прибалтийских государствах и некоторых других странах, но в первую очередь вследствие возникновения на соседней Украине (при активном посредничестве США и их европейских союзников) политического режима, в рамках которого была сформирована система государственного управления, в значительной степени основанная на нацистской модели. Таким образом, был создан опасный прецедент, дающий основание предполагать, что в условиях кризиса западной либеральной демократии, демонстрирующей неспособность адекватного ответа на вызовы современности (такие как миграционная проблема, например), в ведущих европейских государствах в перспективе могут возобладать те же тенденции.

Цель исследования – выявить сущностные аспекты нацификации системы государственного управления в Третьем рейхе в период 1933–1939 гг.

Материалы и методы. В основу работы положен междисциплинарный подход, подразумевающий использование инструментария юриспруденции, исторической науки и политологии, современные методы познания и научного исследования. Диалектический метод дал возможность осуществить комплексный анализ качественной трансформации, которую система государственной гражданской службы претерпела в рамках нацистского режима. Системный подход позволил проанализировать во всей их взаимосвязи специфику и закономерности, отличавшие процесс политического и законодательного регулирования положения государственных служащих в нацистском государстве, механизмы этого регулирования, соответствовавшие логике развития гитлеровского режима. Историко-сравнительный метод был применен для соотношения положения государственных служащих в Третьем рейхе с их прежним социальным статусом. Исследование опирается на принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил проследить поэтапность указанной трансформации в довоенный период существования нацистского политического режима, исходя из учета конкретных исторических реалий, характерных для 1933–1939 гг. Принцип объективности дал возможность выявить основные факторы, способствовавшие осуществлению ускоренной нацификации германского чиновничьего корпуса.

Результаты исследования. Начиная с конца XIX столетия, в Германии отмечалась тенденция к росту численности и влияния кадрового чиновничества. В 1895 г. их доля среди работающих соотечественников составляла 10,8 %; в 1907 г. – 12,6 %; в 1925 г. – 16,5 % (по данным проведенной всеобщей и профессиональной переписи населения) [1]; а к 1933 г. она возросла до 17,1 %, составив 5 517 000 человек [2]. С наступлением мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., особенно тяжело сказавшегося на Германии, представители профессионального чиновничества, чьи уровень и качество жизни резко снизились, стали активно вступать в Национал-социалистическую германскую рабочую партию. Указанная тенденция стала очевидным следствием неспособности последних веймарских кабинетов выработать сколько-нибудь эффективную программу мер по выводу страны из глубочайшей депрессии. На этом фоне обещания Гитлера, в случае его прихода к власти, решить в короткие сроки весь комплекс порожденных кризисом проблем нашли отклик в различных социальных слоях и группах, способствуя стремительному росту политического влияния как НСДАП, так и ее фюрера. Заверения последнего в том, что он добьется укрепления системы государственной службы, вернув ее представителям высокие социальный статус и уровень материального обеспечения, избавив их от перспектив пролетаризации, импонировали чиновничеству всех рангов.

С назначением Гитлера, относившегося к профессиональному чиновничеству с изрядной долей недоверия, имперским канцлером в качестве одной из важнейших государственных задач была провозглашена необходимость мобилизовать чиновников всех категорий и рангов на службу новому политическому режиму, поставив их

под жесткий контроль НСДАП. Это означало их неизбежную нацификацию, носившую поэтапный характер. В частности, кардинальному пересмотру подверглась законодательная основа деятельности государственных служащих. Первым шагом в указанном направлении стало принятие уже 7 апреля 1933 г. «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», предусматривавшего соответствующую санацию чиновничьего корпуса. Согласно § 2 данного нормативного правового акта увольнению подлежали лица, принятые на государственную службу после 9 ноября 1918 г., не отвечавшие квалификационным требованиям, включая наличие профессионального образования. Последнее требование, как правило, не соблюдалось в отношении ветеранов нацистской партии, оформивших свое членство в ней до сентября 1930 г. «Старые борцы» пользовались особым благоволением Гитлера, который в одном из своих обращений к ним заявил: «Тот факт, что вы однажды нашли свой путь ко мне и поверили в меня, придал вашей жизни новый смысл и новую цель. Тот факт, что я нашел вас, стал предпосылкой моей собственной жизни и моей борьбы» [3, с. 212]. Они получали право на выплату им на протяжении трех месяцев после выхода в отставку их прежнего жалованья в полном объеме (п. 1), но не могли претендовать на получение денежных пособий (этот запрет распространялся и на их иждивенцев) и пенсий, использование служебного звания, ношение форменной одежды и знаков различия (п. 2). Правда, пункт 3 предусматривал возможность назначения им «при наличии необходимости… особенно в тех случаях, когда на них лежит бремя заботы о находящихся на их иждивении родственниках», пенсии, сумма которой должна была соответствовать «третьей части среднего основного жалованья», получаемого ими на последнем месте службы. Однако здесь же закреплялось положение о том, что эти пенсионные выплаты могли быть в любой момент прекращены.

На основании § 3, получившего в народе наименование «арийского», профессиональной дисквалификации подвергались все чиновники «неарийцы», даже если речь шла о почетных государственных служащих (п. 1). По просьбе президента Германии Пауля фон Гинденбурга, сохранявшего сентиментальную приверженность принципу «окопного братства», исключение (позднее отмененное) было сделано для чиновников еврейского происхождения, состоявших на государственной службе на 1 августа 1914 г., «сражавшихся в мировую войну на фронте за германский рейх или… за его союзников», а также тех, чьи отцы и сыновья погибли на фронте. Параграф 4 наделял руководителей государственных ведомств полномочиями увольнять тех сотрудников, чья предыдущая политическая деятельность давала основание для сомнений в их готовности при любых обстоятельствах и безоговорочно радеть о благе «национального государства». В течение трех месяцев с момента отставки им выплачивалось прежнее жалованье, после чего они получали «три четверти» от суммы полагавшейся им пенсии «и аналогичных пособий на иждивенцев». Одновременно разъяснялось, что пенсионного обеспечения лишались чиновники, отправленные в отставку на основании параграфов 3 и 4, если срок их выслуги составлял менее десяти лет, в том числе и в случаях, когда в соответствии с действовавшим законодательством пенсия должна была назначаться после более короткого срока службы (§ 8). Подача апелляций на решения «об увольнении со службы… и отправке на пенсию» запрещалась (§ 6, п. 1) [4, с. 229–230].

Таким образом, первый этап нацификации германского чиновничьего корпуса ознаменовался тем, что на законодательном уровне было закреплено положение, согласно которому при рассмотрении критериев профессиональной пригодности любого государственного служащего, вне зависимости от его ранга, приоритет отдавался не компетентности, а абсолютной лояльности гитлеровскому режиму и соответствию нацистским расовым стандартам. По сути, так было положено начало чистке всех звеньев государственного аппарата. В то же время Герман Геринг попытался несколько успокоить чиновничество относительно предстоявшего ему «кровопускания», объясняя его необходимость тем, что во времена республиканского правления произошла деградация системы государственной службы, которую теперь требуется восстановить. Проводя совещание с представителями высшей имперской и земельной бюрократии, он заверил собравшихся, что по отношению к тем государственным служащим, которые когда-либо оступились, совершив лишенную политической подоплеки ошибку, продиктованную извинительной для человека слабостью, предусмотренные законом санкции применяться не будут.

Вступление в силу вышеуказанного закона повлекло за собой издание целого ряда предписаний и нормативных правовых актов, разъяснявших некоторые из его положений. Так, в предписании от 11 апреля 1933 г. и во «Втором законе об изменении Закона о восстановлении профессионального чиновничества» от 20 июля того же года уточнялось, что безоговорочному увольнению с государственной службы подлежали все лица, являвшиеся членами Коммунистической партии Германии (КПГ) или организаций, содействовавших целям коммунизма, марксизма или социал-демократии [4]. Согласно предписанию от 6 мая 1933 г. в отставку следовало отправлять даже тех лиц, которые на момент выхода закона уже не состояли в КПГ и указанных организациях, если только они не перешли в НСДАП еще до 30 января 1933 г. Наконец, 22 сентября 1933 г. последовало принятие «Третьего

закона об изменении Закона о восстановлении профессионального чиновничества», аннулировавшего право домочадцев чиновников – членов КПГ, умерших до вступления в силу закона от 7 апреля 1933 г., на получение пенсии по потере кормильца.

Подобные меры породили лавину доносов на конкретных государственных служащих, обвинявшихся в отсутствии лояльности по отношению к режиму, в связи с чем Вильгельм Фрик, возглавивший имперское Министерство внутренних дел, призвал своих подчиненных тщательно проверять кляузы подобного рода. Его поддержал Геринг, уничижительно отозвавшийся о «чиновниках по партийным книжкам» (речь шла о тех представителях государственной службы, которые после назначения Гитлера рейхсканцлером стали в массовом порядке вступать в НСДАП) и высказавший мнение о том, что партийная принадлежность не являлась достаточным основанием для продвижения по карьерной лестнице [5].

Одним из главных барьеров на пути к государственной службе на протяжении всего периода существования режима оставались нацистские расовые стандарты. Еще в 1925 г. в своем знаменитом политическом и идеологическом манифесте Mein Kampf («Моя борьба») Гитлер подчеркивал, что лишь сохранение чистоты крови способно предохранить народ от неизбежных деградации и вымирания [6]. Уже в период с 7 апреля по 31 декабря 1933 г. было принято 36 нормативных правовых актов, направленных на поражение евреев в гражданских правах. Помимо распространения действия «арийского» параграфа на служащих, вступавших в брак с лицами «неарийского» происхождения, устанавливался запрет на практику для адвокатов, врачей больничных касс и представителей иных профессий, связанных с деятельностью подобного рода. На этот раз была оставлена без внимания попытка Гинденбурга заступиться за евреев-ученых [5].

При этом, наряду с законом от 7 апреля, особое значение имел «Закон об изменении чиновничьего права» (принят 30 июня 1933 г.) и «Закон о немецком чиновничестве» (принят 26 января 1937 г.). В преамбуле к последнему закону подчеркивалось, что именно эти законодательные акты послужили краеугольным камнем регулятивной основы адаптации государственной службы к потребностям национал-социалистического государства и положили начало «унификации немецкого чиновничьего права»[1], так как «укорененное в немецком народе, проникнутое национал-социалистическим мировоззрением профессиональное чиновничество, связанное узами верности с фюрером немецкого рейха и народа Адольфом Гитлером, образует основу национал-социалистического государства»[2]. Согласно этому документу, обязанности государственного служащего включали в себя «готовность к самопожертвованию и полную отдачу сил, послушание по отношению к начальнику и благожелательное отношение к сослуживцам», сохранение на протяжении всей своей жизни верности «фюреру, гарантирующему ему свою особую защиту» (§ 3, абз. 1). Отметим, что в Третьем рейхе подобная верность подразумевала, среди прочего, обязанность государственного служащего идти на нарушение нормы любого регулятивного акта, если она противоречила «исторической воле фюрера», официально трактовавшейся как «исключительный источник права», или же не отвечала «интересам немецкого народа» [7, с. 100, 102]. Он должен был безоговорочно отстаивать интересы национал-социалистического государства, во всех своих действиях руководствуясь сознанием того факта, что Национал-социалистическая германская рабочая партия «находится в неразрывной связи с народом» и «является носительницей немецкой государственной мысли», сообщать начальству о ставших известными ему действиях, угрожавших «существованию рейха» или нацистской партии (§ 3, абз. 2). Исключительным правом на принятие решения о привлечении состоявшего в НСДАП государственного служащего к партийному суду обладал Гитлер (§ 7, абз. 4). Закон максимально ограничивал свободу государственных служащих: в любой момент, ссылаясь на служебную необходимость, начальство могло обязать их работать сверхурочно (§ 16, абз. 2), не покидать место жительства даже во время досуга (§ 18), либо предписать проживание в казенной квартире (§ 19). Закон также закреплял требования расового соответствия и верности национал-социалистическому государству в качестве обязательных условий получения доступа в чиновничий корпус (§ 25–26)[3].

Принятие «Закона о немецком чиновничестве», действие которого распространялось на чиновников всех категорий, знаменовало собой завершение кодификации и окончательную унификацию немецкого чиновничьего права, а также усиливало влияние партийных инстанций на сферу государственной службы. Чиновнику предписывалось «служить национал-социалистической идее, носителем которой являлось государство, и Национал-социалистической германской рабочей партии, образующей единое целое с государством»[4]. По словам Ру-

---

[1] *Begrundung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937.* Deutscher Reichsanzeiger und Preussischer Staatsanzeuger. 1937: 22: 1. РГВА. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.
[2] *Deutsches Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937.* Reichsgesetzblatt. 1937: 1.
[3] *Deutsches Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937.* Reichsgesetzblatt. 1937: 1.
[4] *Begrundung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937.* Deutscher Reichsanzeiger und Preussischer Staatsanzeuger. 1937: 22: 1. РГВА. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.

дольфа Гесса, немецкому государственному служащему была доверена роль «исполнителя воли государства, руководимого НСДАП» [8, с. 95]. Для усиления влияния последней на сферу государственного управления в марте 1934 г. под эгидой партии был создан Имперский союз немецких чиновников, вступление в который рассматривалось как «почетная обязанность каждого немецкого чиновника». В утвержденном 5 апреля 1934 г. рейхсминистром юстиции уставе Союза подчеркивалось, что он был призван объединить ранее неорганизованных (в силу разбросанности по многочисленным структурам) государственных служащих всех категорий с целью увеличить отдачу от их усилий по реализации политического курса национал-социалистического государства. Важнейшей задачей Союза провозглашалось превращение государственных служащих в «образцовых национал-социалистов», выступавших «исполнителями воли фюрера» [9]. По мнению немецкого правоведа Крауса Герберта, высказанному в октябре 1933 г., в Третьем рейхе чиновничеству предстояло превратиться из «живого инвентаря ведомств» в «жрецов государства и его мировоззрения» [5, с. 67]. При этом нацисты в значительной степени сохраняли внешние атрибуты прежней германской системы государственного управления, если только те не становились препятствием на пути к осуществлению их планов [10].

Одним из проявлений тенденции к неуклонному ужесточению партийного контроля за всеми звеньями гражданской государственной службы стали льготы, предоставлявшиеся ветеранам НСДАП, оформившим свое членство в ней до сентября 1930 г. «Старые борцы» пользовались, как уже было упомянуто, особым благоволением Гитлера: в большинстве случаев для того, чтобы получить служебное назначение, от старых партийцев не требовалось наличие университетского образования, достаточно было окончить одну из учрежденных новым режимом партийных школ, а для занятия некоторых должностей хватало офицерского звания или предоставления аттестата об окончании средней школы [11]. Помимо этого, чиновникам НСДАП в конце года из средств партийной кассы выплачивалось тринадцатое жалованье [12]. Такие преференции помимо учета прежних заслуг официально обосновывались тем, что политическое руководство рейха видело в них своего рода миссионеров по распространению и упрочению национал-социалистического мировоззрения в чиновничьей среде, на представителей которой им полагалось оказывать «образцово-воспитательное воздействие» [8, с. 71]. Любопытно отметить, что многие из тех, кто все же поступал на государственную службу, демонстративно отказывались вступать в ряды нацистской партии. Последнее обстоятельство побудило Гесса в апреле 1934 г. специальным распоряжением распространить статус «старых борцов» на всех лиц, ставших членами Национал-социалистической германской рабочей партии до 1 апреля 1933 г. [8].

Что же касается остальных, то, несмотря на повышение в 1935 и 1937 гг. должностных окладов служащих высших рангов Имперской канцелярии [13] и обеспечение за счет бюджетных ассигнований достаточно высокого материального уровня чиновникам, состоявшим на службе в таких рейхсминистерствах, как военное, внутренних дел, юстиции, большинству приходилось довольствоваться жалованьем, размер которого был установлен в годы кризиса [14]. Следствием всего этого стало заметное снижение престижности чиновничьей карьеры, обозначившееся уже в 1937–1938 гг. В частности, возросшая продолжительность рабочей недели при низкой оплате труда привела к тому, что бюрократические структуры на местах стали во все большей степени сталкиваться с проблемой кадрового дефицита [15]. Вышеуказанные факторы были не единственной причиной подобной тенденции. В сентябре 1937 г. заместитель полицай-президента Берлина Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург подготовил меморандум, в котором выразил возмущение тем, что, несмотря на проведенные чистки, представители разных звеньев государственного аппарата продолжали подвергаться высмеиванию и дискриминации со стороны партийных функционеров, слыша в свой адрес обвинения в нелояльности и дистанцировании от нужд народа, что, по его мнению, грозило дальнейшей деградацией государственной бюрократии [4]. Та же тональность пронизывает отчет руководства байротского отделения Национал-социалистического союза учителей. В нем отмечалось, что «учитель нашего времени», в поте лица трудящийся в школе и вне ее, выполняя указания фюрера по приданию «новой формы немецкому народу», испытывает все большую горечь по поводу звучащих в его адрес многочисленных едких замечаний, затрагивающих его профессиональную честь, что, наряду со скудным вознаграждением за труд, побуждает роптать даже «наиболее идеалистически настроенных» представителей профессии [15].

Таким образом, в свете вышеприведенных фактов мы, с одной стороны, согласны с мнением М. Бросцата о том, что идею о создании безгранично преданной фюреру элитной государственной службы в полной мере реализовать так и не удалось [16]. С другой стороны, признаем, что, несмотря на неудовлетворенность значительной части немецкого чиновничества уровнем своего материального обеспечения и моральный дискомфорт, вызванный настороженным, а нередко и пренебрежительным отношением нацистской политической элиты, в крайне важный для упрочения нацистской власти период 1933–1939 гг. чиновничество, пройдя через процесс нацификации, утратило даже видимость самостоятельности и лишилось права на выдвижение каких бы то ни было требований, касавшихся обеспечения его интересов. В Третьем рейхе государственная служба

приобрела ярко выраженный политизированный характер, став послушным инструментом реализации внутри- и внешнеполитических задач режима.

Обсуждение и заключение. Проведенный комплексный анализ проблемы свидетельствует о том, что уже на довоенном этапе существования гитлеровского режима национал-социалистам удалось решить задачу унификации и нацификации чиновничьего корпуса, интегрировав представителей всех звеньев государственного аппарата в политическую систему Третьего рейха. Успех данного мероприятия стал возможным не только благодаря проведению масштабных чисток, в ходе которых из всех властных структур были удалены лица, не соответствовавшие нацистским расовым, идеологическим и политическим требованиям, но также было обусловлено тем обстоятельством, что любая бюрократия, являясь порождением того или иного государства или режима, может существовать, лишь принимая устанавливаемые им правила игры. Показано, что, сделав доступным замещение должностей в государственных структурах для лиц, обладавших заслугами перед национал-социалистическим движением, и для части представителей общественных низов, которые ранее не могли и помышлять о подобной карьере (по некоторым данным, это пополнение составило более миллиона человек [14]), власти Германии упрочили свое политическое положение накануне развязывания Второй мировой войны.

Список литературы / References

1. Винклер Г.А. *Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии.* Монография. Москва; 2013. 878 с.

Vinkler GA. *Weimar 1918–1933: The History of the First German Democracy.* Monograph. Moscow; 2013. 878 p. (In Russ.)

2. Галкин А.А. *Германский фашизм.* Монография. Москва;1989. 352 с.

Galkin AA. *The German Fascism.* Monograph. Moscow; 1989. 352 p. (In Russ.)

3. Burleigh M. *The Third Reich: A New History*. London: Pan Books. 2001. 965 p.

4. Noakes J, Pridham G. (Eds.). *Documents on Nazism, 1919–1945*. New York: The Viking Press. 1975. 704 p.

5. Muhl-Benninghaus S. *Das Beamtentums in der NS-Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Weltkrieges: Zu Enstehung, Inhaltund Durchfuhrung der einschlagigen Beamtengesetze*. Dusseldorf: Droste. 1996. 212 s.

6. Гитлер А. *Моя борьба*. Москва; 1992. 598 с.

Hitler A. *Mein Kampf*. Moscow; 1992. 598 p. (In Russ.)

7. Palamarchuk EA. Legal Culture of the Third Reich. In: *Proceedings of the XII Scientific Conference on the Occasion of the Day of the Faculty of Law, International Scientific Conference Held in Pale, October 28, 2023 "Legal Gaps and the Completeness of Law". Vol. V*. East Sarajevo: University of East Sarajevo Faculty of Law. 2024. P. 97–105.

8. Mommsen H. *Beamtentum im Dritten Reich. Mit ausgewahlten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik.* Stuttgart: Deutscher Verlags-Anstalt. 1966. 246 s.

9. РГВА. *Ф. 1363. Оп. 2. Д. 100. Л. 3.*

Russian State Military Historical Archive. *F. 1363. Op. 2. D. 100. L. Z.*

10. Штолляйс М. *История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм*. Монография. Москва; 2017. 663 с.

Stolleis M. *History of Public Law in Germany: Weimar Republic and National Socialism.* Monograph. Moscow; 2017. 663 p. (In Russ.)

11. Orlow D. *The History of the Nazi Party: 1933 – 1945.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1973. 535 p.

12. Aycoberry P. *The Social History of the Third Reich. 1933–1945*. New York: The New Press; 1999. 380 p. URL: https://archive.org/details/socialhistoryoft00ayco (accessed: 01.02.2025).

13. Caplan J. Civil Service Support for National Socialism: An Evaluation. In book: *Der «Fuhrerstaat»: Mythos und Realitat*. Stuttgart: Klett Cotta. 1981. P. 167–193.

14. Grunberger R. *The 12-Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933–1945*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1971. 535 p. URL: https://archive.org/details/12yearreichsocia0000grun/page/n1/mode/2up (accessed: 01.02.2025).

15. Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945*. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press; 1984. 425 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Popular_Opinion_and_Political_Dissent_in.html?id=QAPmule8mdcC&redir_esc=y (accessed: 01.02.2025).

16. Broszat M. *The Hitler State: the Foundation and Development of the Internal Structure of the Third Reich*. London; New York: Longman; 1981. 378 p.

Об авторах:

Екатерина Сергеевна Алехина, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, ket_as@mail.ru

Евгений Александрович Паламарчук, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры «Теория и история государства и права» Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону (344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д. 2/32; профессор кафедры «Гражданское право и процесс» филиала Московского университета им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону (344018, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, д. 78), SPIN-код, ORCID, epalamar@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.С. Алехина: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Е.А. Паламарчук: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ekaterina S. Alekhina, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, ket_as@mail.ru

Evgenii A. Palamarchuk, Dr.Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (2/32, 9th Ln., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation), Professor of the Civil Law and Procedure Department, Moscow University Named after S.Y. Witte (Rostov Branch) (78, Nefedov Str., Rostov-on-Don, 344018, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, epalamar@mail.ru

Claimed Contributorship:

ES Alekhina: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

EA Palamarchuk: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 27.02.2025